

Иван БУРАКОВ

Москва

Иван Андреевич Бураков родился в подмосковной Щербинке. В 2012 году получил учёную степень кандидат технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более пяти десятков научных статей, учебных и методических пособий. Художественные рассказы, публицистика и очерки опубликованы в журналах «Бийский вестник», «На русских просторах», «Белая скала», в альманахе «Новый Енисейский литератор», в электронной версии журнала «Чайка» (Seagull). Официальный сайт автора: dovolny.info

БА

Очерк

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 1 – 3/2023

К 100-летию со дня рождения Макаренковой (Урушенковой) Елены Михайловны

5.

Домодедовское кладбище Московской области. В 2003 году всех умерших жителей района Южное Бутово хоронили здесь.

Высится холмик, закованный в камень, с фотографии на памятнике смотрят её глаза — строго, пронизательно.

Она умерла летом, а осенью я пошёл в институт. Бабушка не дождалась начала моей широкой институтской дороги чуть меньше двух месяцев.

— В институт нужно обязательно вам поступать, — говорит она нам с сестрой со своего неизменного места — тахты с пружинными подушками.

«Учиться, учиться и ещё раз учиться», — Ленин тысячу раз был прав. Без образования будущего нет — неустанно это буду повторять. Она это тоже повторяла, повторяли нам и родители, повторяю теперь и я.

Казалось, она хотела, чтобы мы сделали то, что не удалось сделать ей. По окончании школы дорога Елены Михайловны лежала на Серпуховскую текстильную фабрику,

а при фабрике был вечерний техникум. Она успела закончить три курса из четырёх требуемых, планировала поступить в институт, но учёбу прервала война.

Над Страной Советов тучи сгустились, и грянул гром, и разразилась буря.

Дорогие ветераны, бойцы Красной Армии, труженики тыла. Обращаюсь теперь к вам. Мы, благодарные потомки, с восхищением смотрим на вас. Вы спасли не только нашу страну — первую социалистическую республику рабочих и крестьян, вы спасли весь мир, вернув миллионам людей свободу и чистое небо над головой.

Мы перед вами в неоплатном долгу, суть которого — пронести память о вашем подвиге в веках, не допустить угасания Вечных огней, не позволить разрушить монумент, поющий славу Красной Армии, советским людям и тем, кто ковал победу, разрабатывая оборонительные и наступательные операции, проводил мобилизацию, заставлял весь Союз дышать, жить как единый организм.

Память ваша будет жить, пока дышим мы, а потом ещё сто раз по сто, а потом вечно.

На старой квартире нашей есть коробка картонная. Снимаешь крышку с неё и окунаешься в иной мир, словно портал между мирами проходишь. Здесь мы храним её награды, документы.

Лежат ордена и медали с их наградными книжками:
орден Отечественной войны II степени блестит серебром;

медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»;

«Ветеран труда»;

«За трудовую доблесть»;

медаль Жукова, приуроченная к 100-летию со дня рождения великого маршала, лежит в красивой убранный коробочке;

юбилейные медали «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»;

«50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»;

«За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»;

медали «В память 800-летия Москвы», «В память 850-летия Москвы»;

знак «Фронтовик 1941 — 1945».

Здесь же лежит её партийный билет, бросаясь в глаза красной обложкой, — она его не выбросила, не порвала, из партии не вышла, перестройку не приняла.

Не всегда то, что бывает модным, является правильным и правдивым; даже больше того скажу, по собственному опыту: почти всегда модное неверно.

Вышли из-под её пера саркастические стишки про новое устройство. Хорошо они в голову вьедаются, манер частушек обязывает:

По закону всех идей
Идёт водица из земель.
По закону дурака
Воду дали с чердака.

6.

Ровно тогда же, когда убили маму первой жены Михаила Павловича, Пелагеи Георгиевны, по ту линию фронта, на нашей стороне погибла его вторая жена — Пелагея Никоноровна.

В Нижнем Шахлово стояли резервы армии, по домам расквартированные. Солдаты вповалку спали, кому как придётся.

Квартировали бойцы и в избе у Михаила Павловича.

В описываемую ночь в избе на кровати у окна лежал сам Михаил Павлович, с краю кровати — Пелагея Никоноровна, а между ними — их уже пятый по счёту, самый младший ребёнок, как оказалось, последний.

Ночь выдалась до странности тихой. Что-то напугало одного из бойцов, что спали на полу в избе. Спросонья не разобравшись в ситуации, он схватил лежащий подле него автомат и дал очередь в сторону предполагаемой

опасности. На пути пуль оказалась Пелагея Никоноровна. Она собой загородила и ребёнка, и мужа, но сама выжить не смогла.

Старшие дети были отправлены в эвакуацию в Куйбышев, теперешнюю Самару. Это оттуда наша бабушка добровольцем ушла на фронт Родину защищать.

Я мало знаю о фронтовой жизни Елены Михайловны. Она, как и многие ветераны, не любила рассказывать про войну:

— Война не сахар.

Я вроде как с ней соглашался, но в моей детской голове всё равно вставали картины подвигов, героизма, доблести.

Хотя подвигом было уже то, что они смогли там выжить, а Великая Победа позволила выжить всем нам.

Сейчас я часто слышу рассуждения «экспертов» по поводу того, почему мы «не сдали этот город и вот тот ещё» или почему мы «вообще защищались, а не поступили, как, к примеру, французы». Одни говорят, что теперь «пили бы баварское», другие им отвечают, что чистили бы «немцам конюшни». На самом деле не правы обе стороны. Вы должны понять раз и навсегда, что, если бы не Победа, нас бы просто не было. Нас бы просто уничтожили, не существовало бы такого народа... нашего народа.

Бабушка тогда в войсках НКВД служила (после госпиталя она с успехом окончила курсы шифровальщиц и была распределена в войска НКВД), полным ходом освобождение Отечества от нацистских полчищ шло.

Советские войска село освободили. Бойцы НКВД хаты проверяли, погреба вскрывали.

В одном из погребов детишки с мамами вповалку лежали, убитые все, нацистами замученные.

Бабушка вместе с другими бойцами на свет их выносила на собственных руках.

В конце войны стали расформировывать избыточные части. Из НКВД демобилизовали большое количество женщин. В их числе была и бабушка моя.

— Оставить вас на службе не имею права, — говорил им их командир. — Посмотрите, сколько народу перебило! Оставляю вас на службе — кто новых нарождает? Ухóдите на «гражданку». Чтоб по три ребёнка минимум у каждой было — вот вам задача.

Она задачу выполнила.

Парня, которого бабушка любила, убило в первый год войны, но встретился ей Макаренков Александр Петрович, мой дед (тоже участник войны). Свадьбу сыграли. Родилось у них трое прекрасных детей. Владимир, самый старший из них, стал военным лётчиком, в Среднеазиатском военном округе служил; Надежда работала, да и сейчас работает учителем в подмосковном Серпухове; а Нина, самая младшая, моя мама, стала геологом.

Атакующие части сгруппировались в передней линии окопов. Дальше, за бруствером, лежало ровное пространство и позиции фашистов. Пространство нужно будет перемахнуть, преодолеть, а затем выгнать гитлеровцев из их траншеи.

Я не знаю, что она чувствовала, ощущала в тот момент.

Атака пошла, части стали выходить из укрытия. Засветили пули, захлопали выстрелы. Сгусток рассвета вспугнули, и он убежал прятаться под подол ночи — позже вылезет. Мощной волной накатывалась людская масса на немецкие позиции, сметая, круша.

Бабушка до чужой траншеи не добежала — словно оса, ужалив, впился в ногу свинец, срубив её на бегу. Огонь был настолько плотный, что, когда она уже лежала, другая «оса» достала её вторично, на этот раз в голову.

Оказавшийся рядом боец стал кричать, увидев её, истекающую кровью:

— Санитар! Санитар! Быстрее сюда беги! Здесь сестричка кончается!

Потом всё слилось в один общий размытый поток картинок и света: носилки, палатка с хмурыми лицами врачей в отблесках тусклой лампы... Затем тыл.

7.

Ах ты, зимушка-зима!
Запушила все дома!
Здравствуй, саночки, конёчки —
Наши зимние дружочки!

Ветки плодовых деревьев, каждая веточка, серебрятся в лучах заката. Вчера была оттепель, а сегодня вновь ударил мороз, и природа родила вот такое хрустальное великолепие. Летом эти ветки усыпаны, словно грозди винограда, синими крупными плодами слив, зимой они дарят ледяную сказку.

Я стою в саду рядом с домом, в который переехали спустя несколько лет после свадьбы Макаренковы.

Балкон второго этажа, на котором бабушка сидела и смотрела летом на сад, сочиняя стихи, перед моим взором.

Под окном у нас цветенье —
Груши, яблони цветут.
Птички весело поют,
Соловья к себе зовут,
Душу лечат старикам,
Молодым любовь дают.

Смотрю на окружающее меня буйство красок, на краснеющие кирпичные стены дома, а в голову неожиданно приходят мысли.

Почему-то вспомнилось... Моя двоюродная сестра как-то раз, услышав, как я называю бабушку, спросила:

— Вань, а ты маму и папу тоже так же зовёшь: «ма» и «па»?

— Нет, Ань, только бабушку так называю: «ба».